

СОДЕРЖАНИЕ

Сокращения	7
Введение. Нерассказанная история	9

Часть I. Дорога в Нюрнберг

Глава 1. Когда война стала преступлением	32
Глава 2. Но что есть правосудие?	76
Глава 3. Обратный отсчет до Обвинительного заключения	125
Глава 4. Готовы ли?	168

Часть II. Обвинение

Глава 5. Начало процесса	204
Глава 6. Вне игры	243
Глава 7. Корректировки курса	281
Глава 8. Свидетели дают показания	317

Часть III. Защита

Глава 9. В Нюрнберг приходит холодная война	358
Глава 10. Во имя правосудия	396
Глава 11. Обвинения и встречные обвинения	431
Глава 12. Катинская схватка	467

Часть IV. Последние слова и приговоры

Глава 13. Коллективная вина и судьба послевоенной Европы	504
Глава 14. Приговор	535
Глава 15. После Нюрнберга	570

Благодарности	609
Архивные источники	614
Список главных архивных фондов	617
Библиографический очерк	620
Указатель имен	627

Посвящается Марку

СОКРАЩЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

КОНВП — Комиссия Объединенных Наций по военным преступлениям
МАЮД — Международная ассоциация юристов-демократов
МВТ — Международный военный трибунал

АМЕРИКАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

ВЮС — Военно-юридическая служба Вооруженных сил США
УСС — Управление стратегических служб

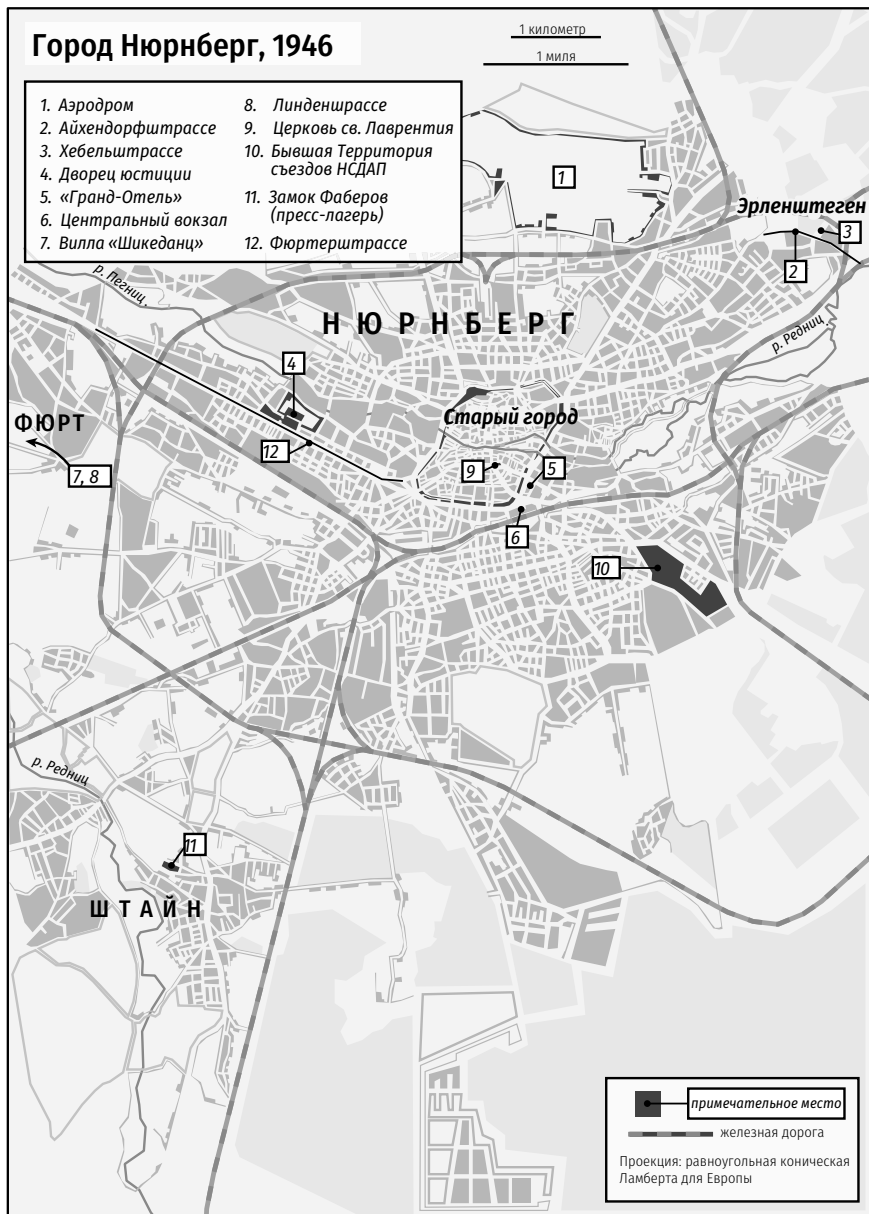
НЕМЕЦКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Гестапо — Geheime Staatspolizei (Тайная государственная полиция)
Зипо — Sicherheitspolizei (Полиция безопасности)
НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии
РСХА — Reichssicherheitshauptamt (Главное управление имперской безопасности)
СА — Sturmabteilung (штурмовые батальоны, штурмовики)
СД — Sicherheitsdienst (Служба безопасности)
СС — Schutzstaffel (охранные отряды)

СОВЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ

КРПОМ — Комиссия по руководству подготовкой обвинительных материалов
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел (до марта 1946 года, затем Министерство внутренних дел)
НКВД — Народный комиссариат иностранных дел (до марта 1946 года, затем Министерство иностранных дел)
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности (до марта 1946 года, затем Министерство государственной безопасности)
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СВАГ — Советская военная администрация в Германии
Смерш — сокр. от «смерть шпионам», ведомственные органы контрразведки; Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны; Отдел контрразведки «Смерш» НКВД
Совинформбюро — Советское информационное бюро
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза

Карта 1. Нюрнберг, 1946 год

Введение

НЕРАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ

В ноябре 1945 года — примерно через шесть месяцев после окончания Второй мировой войны в Европе — в Нюрнберге, в американской зоне оккупации бывшей нацистской Германии, во Дворце юстиции собрался Международный военный трибунал (МВТ). Над входом в величественное здание из песчаника реяли флаги Соединенных Штатов, Великобритании, Советского Союза и Франции, а снаружи стояли по стойке смирно почетные караулы из этих стран — зримое напоминание о том, что процесс над бывшими нацистскими вождями ведут четыре военные оккупационные администрации Германии.

Нюрнберг был исполнен символического значения. Этот город был колыбелью нацистского движения, местом срежиссированных массовых митингов — увековеченных частью в фильме Лени Рифеншталь «Триумф воли», — на одном из которых в сентябре 1935 года Адольф Гитлер провозгласил расовые законы Третьего рейха и воодушевил миллионы последователей обещанием возродить Германию. Это был и один из последних очагов сопротивления немецких войск в 1945 году, театр одного из завершающих сражений в Европе. Одним словом, подходящее место для подведения итогов войны.

Среди тех, кто приехал наблюдать за судебным процессом, был советский кинорежиссер Роман Кармен — специальный корреспондент советской печати, получивший задание освещать ход суда. В первый день, проезжая в автомобиле через город, Кармен был поражен разрушениями. «Ни одного дома уцелевшего в Нюрнберге не увидишь, — писал он. — Это сплошные руины». Последние годы Кармен работал кинооператором Красной армии и снимал документальные фильмы в Ленинграде, на Дону

Ил. 1. Дворец юстиции в Нюрнберге, место проведения Международного военного трибунала. 1945–1946 годы. Источник: Американский мемориальный музей Холокоста. Предоставлено библиотекой Гарри С. Трумэна. Фотограф: Чарльз Александр

и на Белорусском фронте. Он видел, что может сделать война. Но его все равно ошеломило увиденное. Нюрнберг почти сравняли с землей периодические бомбардировки союзников и уличные бои. Средневековый центр и современные части города были обращены в кучи щебня и мусора. Перед отъездом из Москвы Кармен смотрел немецкие кинохроники и документальные

фильмы, где город предстал во всей своей славе под властью нацистов. Он вспоминал сцены, исключительные в своем величии, — территорию съездов НСДАП и бесконечные парады частей СС, гитлерюгенда и вермахта. Невозможно было поверить, что это один и тот же город¹.

Оставив багаж в пресс-лагере, расположенном к юго-западу от города, Кармен направился прямо в суд. Он спешил. Из-за плохой погоды задержался его рейс в Нюрнберг. Было уже 22 ноября: он пропустил первые два дня процесса и не хотел больше терять времени. Его машина свернула на Фюртерштрассе, одну из немногих улиц, сохранивших свой вид. Там за коваными железными воротами стоял Дворец юстиции. Четырехэтажное здание начала XX века выглядело сравнительно не тронутым войной. Тысячи немецких военнопленных были подражены американскими оккупационными войсками заделывать дыры от пуль и ремонтировать здание. При виде советского почетного караула Кармен ощутил прилив гордости, вспомнив «доблестный путь» Красной армии «от Сталинграда, Волги, Москвы до Берлина»².

Внутри Дворца юстиции Кармена очаровало сочетание монументальности с функциональностью. Сам зал суда был разобран и расширен, чтобы вместить восемь судей, четыре группы обвинителей, подсудимых с их адвокатами и сотни представителей прессы, которые размещались в задней части зала. Позади свидетельской скамьи соорудили специальную кабину для переводчиков; наверху приделали галерею для зрителей. Пахло свежей древесиной и краской. На стене висел бронзовый барельеф с Адамом, Евой и змеем, оставшийся со времен постройки здания. На карауле стояли американские военные полицейские в белых касках. Прямо напротив судей располагалась скамья подсудимых; Кармен сразу узнал среди них Германа Геринга и Рудольфа Гесса. Позже, в разгар процесса, Кармен вспоминал, какое удовольствие пережил именно в этот момент — зная, что

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 4–6. Впечатления и мнения Кармена извлечены из заметок, сделанных им в ходе процесса. Эти заметки легли в основу лекций, прочитанных им в Москве в 1946 году.

² РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 5–6, 36.

в этом месте «народы мира судят банду фашистских палачей»¹. Здесь ему суждено было провести десять месяцев, снимая процесс на камеру для потомков.

Кармен приехал в Нюрнберг, глубоко ощущая собственную ответственность. Всю войну его миссией было разоблачение преступлений нацистов. Он снимал разрушенные деревни, разбомбленные города и зверски убитых мирных жителей. Эти кадры вошли во множество советских и иностранных кинохроник и документальных фильмов. Весной 1944 года он заснял освобождение советскими войсками лагеря смерти Майданек в Польше. В статье, опубликованной одновременно в «Дейли уоркер» и «Лос-Анджелес таймс», он описал работу газовых камер и крематория и отметил, что весь проект уничтожения более полумиллиона человек «был организован с дьявольской эффективностью». «За исключением тысячи живых трупов, найденных Красной армией, когда она вошла в лагерь, ни один заключенный не выбрался оттуда живым»². Из Польши Кармен двинулся вместе с Красной армией на запад, документируя взятие Берлина и капитуляцию нацистов.

В Нюрнберге Кармен возглавлял небольшую группу советских операторов, которым было поручено снимать хронику, а затем подготовить полнометражный фильм о процессе. Они стремились создать визуальный нарратив, показывающий миру колоссальные жертвы, принесенные Советским Союзом ради победы над нацистами. «Если бы не Советская армия, не героический советский народ, которой сыграл решающую роль в победе над Германией, не было бы Нюрнберга», — рассуждал Кармен в ходе работы над фильмом³. Кармен был талантливым

¹ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 5–6, 36. Описания зданий: *Poltorak A. The Nuremberg Epilogue*. Moscow: Progress Publishers, 1971. P. 22–28; *Polevoi B. The Final Reckoning: Nuremberg Diaries*. Moscow: Progress Publishers, 1978. P. 73, 81–82. (См. на рус.: *Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог*. М.: Воениздат, 1965; *Полевой Б. Н. В конце концов. Нюрнбергские дневники*. М.: Советская Россия, 1969. — *Примеч. пер.*)

² *Karmen R. Lublin Extermination Camp Called «Worst Yet» by Writer // Daily Worker*. 1944. August 14. P. 8; *Karmen R. Writer Describes Nazi Murder Plant in Poland // Los Angeles Times*. 1944. August 13. P. 5. О статьях Кармена см.: *Shneer D. Through Soviet Jewish Eyes: Photography, War, and the Holocaust*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2012. P. 164–165.

³ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 44.

режиссером и опытным советским пропагандистом, способным в полной мере контролировать идеи и образы, которые он представлял на экране. Но в целом для советской делегации в Нюрнберге — для судьи и его заместителя, обвинителей, письменных и устных переводчиков и большого количества вспомогательного персонала — контролировать ход процесса оказалось гораздо сложнее.

Не то чтобы Советский Союз был захвачен врасплох открытием МВТ; он сыграл ключевую роль в его создании. В самые черные дни войны — когда было еще неизвестно, устоит ли вообще Советский Союз, — Иосиф Сталин и его нарком иностранных дел Вячеслав Молотов призвали создать «специальный международный трибунал» для суда над нацистскими лидерами, отчасти ради того, чтобы подвести правовую основу под требования репараций: они уже понимали, что репарации необходимы для восстановления разгромленных городов и предприятий в СССР. Советские власти считали очевидным, что нацистские лидеры виновны и заслуживают виселицы. Они воображали себе Нюрнбергский процесс по образцу Московских процессов 1936–1938 годов — как большой политический спектакль с predetermined исходом. Нюрнберг должен был высветить всю глубину злодейства нацистов и вынести обвиняемым смертный приговор.

Ожидалось, что так все и будет. Но еще до того, как Кармен установил свою кинокамеру «Аймо» во Дворце юстиции и начал съемку, процесс начал отходить от сценария, ожидаемого в Москве. Страны-обвинители не только противостояли обвиняемым в зале Нюрнбергского суда — они соперничали друг с другом.

Четыре союзника совершенно по-разному прошли войну. В Нюрнберге они в разной степени желали возмездия и преследовали совершенно разные интересы. Французам нужно было разобраться со своим коллаборационистским наследием; война выявила и обострила социальные и политические конфликты, и новое французское правительство не вполне понимало, что делать дальше. Британцы, которые в течение года в одиночку противостояли Германии, были разорены войной и опасались утраты своего влияния и потери империи. Соединенные Штаты

поздно вступили в войну, покончив с долгим периодом изоляционизма, и готовились принять на себя более видную и, возможно, даже лидирующую роль в международных отношениях. В сравнении с европейскими участниками войны, Соединенные Штаты потеряли незначительное число мирных граждан; в отличие от других союзников экономика США в ходе войны набрала мощь, и американцы были полны уверенности в своих силах. Советский же Союз был растерзан нацистским вторжением и оккупацией: количество жертв превосходило всякое воображение. Он праздновал окончательный триумф над врагом, но сел за стол переговоров, понеся чудовищные потери, и твердо намеревался занять подобающее место среди победителей.

Все союзники хотели воспользоваться этим судебным процессом, чтобы представить свою собственную версию истории войны и повлиять на формирование послевоенного будущего. Кроме того, они прибыли в Нюрнберг со взаимно несовместимыми идеями о самой сути правосудия и о том, как оно должно осуществляться. Обвинители и судьи из четырех стран с разными политическими системами и правовыми традициями имели конфликтующие представления даже о таких фундаментальных вещах, как доказательство, свидетель и права подсудимого.

А как насчет подсудимых? Рейхсмаршал Герман Геринг, министр иностранных дел Германии Йоахим фон Риббентроп, рейхсминистр Альфред Розенберг и другие нацистские руководители вовсе не раскаивались; для них Нюрнберг был пародией на правосудие. К удивлению и смятению стороны обвинения, бывшие нацистские бонзы и их адвокаты решительно отрицали легитимность суда и играли на разногласиях между странами-обвинителями — а эти разногласия стали досадно очевидными с самого начала. Да, обвиняемые шли на виселицу, но они сражались за каждый шаг на этом пути.

Все это было ясно участникам и, несомненно, таким внимательным наблюдателям, как Роман Кармен. Как и другие советские корреспонденты в Нюрнберге, он чувствовал напряжение процесса с самого момента прибытия. Несколько месяцев он выслушивал показания об ужаснейших преступлениях, и война поневоле воскресала в его памяти. Он был шокирован утверждениями обвиняемых, что Германия напала «превентивно» ради

защиты от неминуемого советского нападения. У него вызывали отвращение попытки защитников отрицать за победителями право судить побежденных. Для него было почти мучительно день за днем фокусировать объектив на лицах «отвратительных существ» и «гнусных зверей», сидевших на скамье подсудимых. Но он все равно снимал, чтобы запечатлеть их истинную природу и тем самым разоблачить суть зла¹.

Фильм Кармена «Суд народов» вышел на экраны Советского Союза через месяц после того, как в октябре 1946 года судьи вынесли свои вердикты. Пятидесятипятиминутный документальный фильм представлял советский взгляд на Вторую мировую войну в совершенно определенной форме. Сцены в зале суда сменялись кинохрониками нацистских зверств, которые Кармен и другие советские операторы засняли на территориях, только что освобожденных от немецких оккупантов. Крупные планы лиц подсудимых сменялись жуткими картинками разрушенных до основания городов и невероятного количества трупов в концлагерях. В США фильм шел под названием «Нюрнбергские процессы»; премьера состоялась в Нью-Йорке весной 1947 года. В «Нью-Йорк таймс» его называли «мрачным и впечатляющим рассказом об ужасах нацистских военных преступлений и вине высших руководителей»². С другой стороны, в «Нью-Йорк геральд трибун» фильм раскритиковали как «растянутую кинохронику», а его идею, что «нацисты захватили бы мир, если бы их не остановили красные армии», объявили пропагандой, которая вряд ли бы привлекла друзей к Советскому Союзу. На самом деле фильм Кармена был слишком эмоционально жестким и напряженным, по крайней мере для американского зрителя, которому надоела война и хотелось просто жить дальше. Его центральная идея о Советском Союзе как спасителе Европы от Гитлера противоречила американским представлениям о США как освободителе и защитнике Европы.

¹ Реакция Кармена, его описания подсудимых и их заявлений: РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 31–52. О методе Кармена: Колесникова Н., Сенчакова Г., Слепнева Т. Роман Кармен. М.: Искусство, 1959; Hicks J. First Films of the Holocaust: Soviet Cinema and the Genocide of the Jews, 1938–1946. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012.

² Crowther B. Goering, with Swagger Lacking, in «Nuremberg Trials», at Stanley // New York Times. 1947. May 26. P. 24.

Вскоре этот фильм был забыт в США — как и роль СССР во всех аспектах Нюрнбергского процесса¹.

* * *

МВТ остается одним из главных событий XX века и отправной точкой дискуссий о транснациональном правосудии, международном праве, геноциде и правах человека. Но, вопреки многолетнему интересу широкой публики и ученых к МВТ, его история все еще рассказана не вполне. В этой книге я представляю новую историю Нюрнбергского процесса, восстанавливая ее центральное недостающее звено: роль Советского Союза. Тем самым я предлагаю новое понимание истоков и развития послевоенного движения за права человека.

Почему роль СССР в Нюрнберге была так важна? И почему его участие в МВТ по большей части забыто? Причины последнего не должны особенно удивлять. МВТ был не только последним салютом военного сотрудничества стран-союзников. Он был и ранним фронтом холодной войны, поскольку его появление совпало с тем переломным моментом, когда послевоенные отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом еще по большей части не оформились — до того, как эти страны стали сверхдержавами. Еще до окончания Нюрнбергского процесса политика холодной войны породила миф о «Нюрнбергском моменте» — миф, в котором роль Советского Союза сводилась к нулю. Десятилетиями советское участие в Нюрнберге либо вообще не обсуждали в США, либо описывали как нечто досадное, но неизбежное — что-то вроде фаустовской сделки, которую пришлось заключить американским и британским лидерам, чтобы закончить войну и привлечь к суду нацистов².

¹ J. P. «The Nuremberg Trials» — Stanley // New York Herald Tribune. 1947. May 26. P. 16; Hicks J. First Films of the Holocaust. P. 209–210 — о рецепции и забвении фильма Кармена.

² См., например: Douglas L. The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust. New Haven: Yale University Press, 2001. О советском участии как ахиллесовой пяте см.: Dodd C. J., Bloom L. Letters from Nuremberg: My Father's Narrative of a Quest for Justice. New York: Crown, 2007. P. 341. См. также: Bass G. J. Stay the Hand of Vengeance: The Politics of War Crimes Tribunals. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 147–205. Басс утверждает, что

Согласно этому мифу, американцы играли ведущую роль. Они умерили свою жажду мести и подвергли нацистов справедливому суду по закону, чем открыли новую эру международных прав человека. Фильм Стэнли Крамера «Приговор в Нюрнберге» 1961 года и документальная драма 2000 года «Нюрнберг» следуют этому сюжету. В фильме «Нюрнберг» главный обвинитель от США Роберт Х. Джексон с квадратной челюстью (его роль была сыграна Алеком Болдуином) предстает как герой, требующий беспристрастного суда даже для самых монструозных нацистских вождей. Британцы и французы играют положительные, но второстепенные роли. Советские же представители появляются лишь в эпизодах и выглядят неотесанными, звероподобными и мстительными — не как равные партнеры, а как помехи благородному делу поиска справедливости. В некоторых сценах немцы изображены с большей симпатией, чем советские аппаратчики¹.

Эта документальная драма — экранизация книги Джозефа Э. Персико «Нюрнберг: зло под судом», основанной по большей части на рассказах американских и британских участников².

«советское возмездие вообще не было стеснено либеральными легалистскими нормами» (р. 196). Дискуссия о некоторых способах сослаться на Нюрнберг как на «момент в истории идеи прав человека»: *Borgwardt E. Commerce and Complicity: Human Rights and the Legacy of Nuremberg* / Ed. B. J. Schulman. *Making the American Century: Essays in the Political Culture of Twentieth Century America*. New York: Oxford University Press, 2014. P. 92–108.

¹ Фильм 1961 года посвящен одному из последующих нюрнбергских процессов, «процессу над судьями» (США против Йозефа Альштеттера и др.), где обвинителями были только американцы. Фильм 2000 года посвящен первому Трибуналу четырех держав 1945–1946 годов (собственно Международному военному трибуналу. — *Примеч. ред.*). Также примечателен документальный фильм «Нюрнбергский процесс» из серии «Американская история» канала PBS, который вышел в 2006 году и тоже прославлял Нюрнберг как триумф Джексона-обвинителя.

² *Persico J. E. Nuremberg: Infamy on Trial*. New York: Penguin Books, 1994. В число опубликованных рассказов входят: *Biddle F. In Brief Authority*. New York: Doubleday, 1962; *Gilbert G. M. Nuremberg Diary*. New York: Farrar, Straus, 1947; *Harris W. R. Tyranny on Trial*. Dallas: Southern Methodist University Press, 1954; *Andrus B. C. I was the Nuremberg Jailer*. New York: Coward-McCann, 1969; *Neave A. On Trial at Nuremberg*. Boston: Little, Brown, 1979; *Taylor T. The Anatomy of the Nuremberg Trials*. Boston: Knopf, 1992. Более сбалансированное популярное изложение с англо-американской точки зрения, основанное преимущественно на британских архивах и мемуарах: *Tusa A., Tusa J. The Nuremberg Trial*. London: Atheneum, 1983.

Западные судьи и обвинители, которые оставили первые и прочнее всего укоренившиеся рассказы о МВТ, воспринимали сам факт советского участия как угрозу легитимности Нюрнберга и его наследию. У них были все на то основания. Германия и СССР совместно вторглись в Польшу в сентябре 1939 года; многие подозревали, что не нацисты, а советская сторона виновна в убийстве тысяч польских офицеров в Катынском лесу недалеко от Смоленска; некоторые части Красной армии совершали акты насилия во время наступления на Берлин в последние месяцы войны, и именно советские войска проводили депортации в Польшу и Венгрии в то самое время, как МВТ заслушивал показания против нацистов¹. С точки зрения многих членов западных делегаций и международного пресс-корпуса, советская сторона была немногим лучше обвиняемых нацистов.

Идея «Нюрнбергского момента» как триумфа западного лидерства и западного права, как ни странно, осталась жизнеспособной даже после того, как в новых исторических трудах основное внимание стало уделяться более глубокому анализу роли экспертов по международному праву в организации Трибунала. Захватывающая книга Филиппа Сэндса «Ист-Вест-стрит» (2016) освещает вклад польско-американского юриста Рафала Лемкина и польско-британского юриста Герша Лаутерпахта в разработке некоторых ключевых понятий Нюрнберга, таких как «геноцид» и «преступления против человечности», но лишь эпизодически упоминает советского юриста Арона Трайнина, чей вклад был, возможно, еще важнее. Все трое происходили из еврейских семей в Центральной Европе — но Лемкин и Лаутерпахт эмигрировали на Запад, а Трайнин остался в России и служил советскому правительству². Лемкин и Лаутерпахт — представители

¹ См., например: *Naimark N. M. The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997; *Snyder T. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin.* New York: Basic Books, 2010; *Applebaum A. Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1945–1956.* New York: Doubleday, 2012; *Beevor A. The Fall of Berlin 1945.* New York: Penguin Books, 2003. (Пер. на рус.: *Снайдер Т. Кровавые земли. Европа между Гитлером и Сталиным.* Киев: Дуліби, 2015; *Бивор Э. Падение Берлина. 1945.* М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. — *Примеч. пер.*)

² *Sands P. East West Street: On the Origins of «Genocide» and «Crimes against Humanity».* New York: Knopf, 2016. Третий главный персонаж в книге Сэндса —

либеральной правовой традиции. Они вписываются в сюжет. Трайнин сделал карьеру в сталинском СССР, и его прежние работы подводили основу под советские показательные процессы. Поэтому он определенно не вписывается¹.

Нарратив о «Нюрнбергском моменте» не оставляет места неоднозначности. Но рассказать историю МВТ без полного учета роли СССР — значит ухватить деталь и упустить главное. Сталинский Советский Союз фундаментально повлиял на МВТ и стал ключом к его успеху, приведя в движение то, что стало затем широко признано революцией в международном праве, — криминализацию завоевательных войн и стремление защитить индивида от репрессивного государства². То, что эту роль сыграла страна, известная показательными процессами и ярко выраженным презрением к человеческой жизни, способно удивить и, возможно, даже огорчить. Полная история Нюрнберга сталкивает нас с двумя неудобными истинами: нелиберальные авторитарные государства иногда позитивно влияли на международное право, а международное правосудие есть процесс по своей сути политический³.

нацист Ханс Франк. Трайнин родился в Витебске (Российская империя), Лаутерпахт — в Жолкве, что неподалеку от Львова (Австро-Венгрия), Лемкин — в Безводно (Гродненская губерния Российской империи).

¹ О Трайнине, Лемкине и Лаутерпахте см.: *Penn M. J. The Extermination of Peaceful Soviet Citizens: Aron Trainin and International Law*. PhD diss., University of Colorado at Boulder, 2017. Пенн критикует книгу Сэндса с примерно той же позиции и рассматривает Трайнина как участника диалога с Лемкиным и Лаутерпахтом.

² Об этой революции см., например: *Ehrenfreund N. The Nuremberg Legacy: How the Nazi War Crimes Trials Changed the Course of History*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

³ Историки и праведы склонны по умолчанию считать, что идеи прав человека и международного права имеют либеральное происхождение. См., например: *Hathaway O. A., Shapiro S. J. The Internationalists: How a Radical Plan to Outlaw War Remade the World*. New York: Simon and Schuster, 2017. О русском вкладе в международное право см. работу Питера Холквиста, который сейчас заканчивает книгу о роли Российской империи в расширении и кодификации международных законов войны. О нелиберальном правосудии и советском праве см. также: *Exeler F. Nazi Atrocities, International Criminal Law, and Soviet War Crimes Trials: The Soviet Union and the Global Movement of Post-Second World War Justice* / Eds I. Tallgren, Th. Skouteris. *The New Histories of International Criminal Law: Retrials*. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 189–219.

Из всех союзных держав СССР больше всего стремился осудить нацистов не только за преступления, совершенные в ходе войны, но и в первую очередь за преступление, состоявшее в том, что они развязали «агрессивную войну». Под влиянием опыта тотальной войны — войны, мобилизовавшей все ресурсы общества, — советские юристы оставили на международном праве печать, изменившую его навсегда. Не кто иной, как Арон Трайнин, впервые артикулировал концепцию «преступления против мира», описав планирование и развязывание неспровоцированной войны как наказуемое преступное деяние. Это стало важнейшим пунктом в Обвинительном заключении — документе, создавшем правовую рамку для Трибунала в целом¹. Трайнин также задолго до победы союзников внес советские идеи об уголовной ответственности и соучастии в международную дискуссию о военных преступлениях. Когда британские лидеры и некоторые американские политики (в том числе министр финансов Генри Моргантау — младший) выступали за внесудебную казнь нацистских вождей как более простой и прямолинейный подход, советские представители настаивали на созыве международного трибунала. Возможно, Нюрнбергского процесса вообще не было бы, если бы советская позиция не возобладала.

Но советские представители получили совершенно не тот трибунал, который представляли себе. Они не имели понятия, во что они ввяжутся в Нюрнберге. Преступления нацистов были столь чудовищны, свидетельства массовых зверств столь обильны, что Сталин и Молотов считали сценарий суда предрешенным. Советские руководители были настолько уверены в обвинительных вердиктах, что не постеснялись добавить в Обвинительное заключение одно из своих собственных военных преступлений — массовое убийство польских офицеров в Катыни. Они не ожидали, что подсудимым позволят оспаривать официальные отчеты о военных преступлениях,

¹ Роль Трайнина в процессах до последнего времени недооценивалась в западной литературе. Важное исключение: *Ginsburgs G. Moscow's Road to Nuremberg: The Soviet Background to the Trial. The Hague: Martinus Nijhoff, 1996.* Сейчас Трайнину начали воздавать должное. См. особенно: *Sellars K. «Crimes against Peace» and International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015; Penn M. J. The Extermination of Peaceful Soviet Citizens.*

призывать в свидетели военачальников и эсэсовцев и настойчиво выдвигать встречные обвинения. Не ожидали они и того, что другие союзники будут иметь совершенно другие мнения о том, как должен идти процесс, как и того, что американцы настолько успешно будут выставлять и продвигать свою собственную повестку.

Сталин и Молотов также считали, что им будет легко контролировать советских обвинителей и судей и тем самым издалека управлять ходом процесса. Они представляли себе Нюрнберг как величественный образец воспитательной и просветительской работы — тот же показательный процесс, только масштабнее¹. Сталин назначил Андрея Вышинского, обвинителя на зрелищных постановках Московских процессов, главой секретной московской комиссии, которая должна была руководить работой советских представителей на Нюрнбергском трибунале². При отборе советских судей и обвинителей для МВТ Сталин тоже искал людей с опытом показательных процессов. Советский судья Иона Никитченко сделал карьеру судьи на Московских процессах; советский главный обвинитель Роман Руденко выступал обвинителем в показательных процессах 1930-х годов в Украине, а позже — обвинителем в показательном процессе против польских лидеров в Москве³. Советские заместители обвинителей имели аналогичный опыт.

Однако Сталину и другим советским руководителям было очень далеко до возможности такого контроля. Лишь когда судебные процессы начались, они поняли, до какой степени просчитались. По иронии обстоятельств именно сверхцентрализованная командная структура СССР оказалась главной помехой

¹ Советский термин «показательный процесс» означает процесс с откровенно воспитательными целями. О политических процессах и дидактическом легализме см.: *Shklar J. N. Legalism: Law, Moralism, and Political Trials*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1964.

² Ее полное название — «Комиссия по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном военном трибунале в Нюрнберге».

³ Речь о так называемом «процессе шестнадцати» — открытом суде над шестнадцатью руководителями польского Сопrotивления и деятелями польского правительства в изгнании. Суд проходил в присутствии представителей зарубежной прессы в Москве 8–21 июня 1945 года. — *Примеч. ред.*

в Нюрнберге и не позволила советской группе юристов достичь некоторых целей, более всего желанных Москве. Сталин возложил на Вышинского ответственность за все аспекты работы советских представителей, в том числе проверку и отбор показаний и свидетелей. Вышинский в свою очередь требовал, чтобы советские обвинители и судьи консультировались с ним по всем, даже мельчайшим вопросам, касающимся МВТ. Это влекло за собой обмены секретными сообщениями для сверки действий, зачастую по обходным каналам и, как правило, в условиях крайнего дефицита времени. Ситуацию еще больше осложняло то, что даже Вышинскому не доставало авторитета для выдачи директив по большинству вопросов в его же области ответственности. Многие решения требовали полного круга консультаций с советскими руководителями — вплоть до самого Сталина. Из-за этого советская делегация не могла быстро реагировать на непредвиденные ситуации.

А большая часть ситуаций оказалась непредвиденной — по крайней мере, с советской точки зрения. Трения между союзниками влияли на происходившее в нюрнбергском зале суда не меньше, чем интересы правосудия. Ни одна из стран-обвинителей не хотела, чтобы ее собственная внешняя политика и действия в ходе войны подвергались разбору на международной арене, поэтому Нюрнбергский устав ограничивал юрисдикцию трибунала действиями европейских стран Оси. Но в ответ на громкие заявления о «суде победителей» со стороны защиты и в качестве реакции на периодические утверждения Никитченко о несомненной виновности обвиняемых западные судьи с удвоенным усердием старались создать впечатление беспристрастного суда.

Военный альянс разваливался; разгоралась холодная война. Чем дальше, тем больше западные судьи потакали стороне подсудимых, позволяя им почти свободно обвинять СССР во многих военных преступлениях, зверствах и других нарушениях международного права во время выступлений стороны защиты. Советские преступления против мира — в том числе секретные протоколы к германо-советскому Пакту о ненападении от августа 1939 года, когда советские и нацистские руководители сговорились о захвате и разделе большей части Восточной Европы, — стали вначале секретом полишинеля, а затем вообще

не секретом. Советские руководители хотели использовать международный трибунал для выработки нарратива о советском героизме и немецком предательстве, о советских страданиях и немецкой вине. Но сюжет очень скоро выскользнул из их рук. В конце концов они обнаружили, что их изображают соучастниками сговора с нацистским режимом, отказывая им и в достоинстве победителей, и в правоте жертв.

* * *

Полная история Нюрнбергского процесса требует широкого угла зрения. Необходимо осветить, как отношения между четырьмя странами-обвинителями реализовались в повседневной жизни американской оккупационной зоны Германии. Нужно показать и то, что происходило за сценой. В Нюрнберге кристаллизовались высокие идеалы правосудия и прав человека — и в то же время он был «кипящим, бурлящим интернационалом» (по словам Кармена), многоязычным сообществом с попойками до поздней ночи, сделками и интригами¹. Телеграммы, отчеты разведки, стенограммы секретных совещаний из постсоветских архивов, частные письма и неопубликованные дневники участников и свидетелей Трибунала из США, Великобритании и России ясно показывают, что происходившее за кулисами, в барах и на частных вечеринках имело почти столь же важные последствия, что и наблюдавшееся участниками в зале суда. Там обвинители торговали друг с другом секретами, заключали альянсы, формировали блоки и сливали в прессу сверхсекретную информацию. Там журналисты из всех стран мира делились сплетнями о подсудимых и даже организовали тотализатор с денежными ставками на вердикты.

Эта книга рассказывает не только о международном праве и политике, но и о человеческих драмах. Ребекка Уэст, британская журналистка, освещавшая процессы для «Нью-Йоркера», так описывала свои тяжелые впечатления: «Особенно утомляла изоляция в маленьком помещении, отрезанном от нормальной жизни колючей проволокой армейских правил; постоянные

¹ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 33.

столкновения с жуткими деталями отвратительной главы истории... Мы по-прежнему были под властью военной машины»¹. Сотни иностранных корреспондентов и членов американской, британской, французской и советской делегаций вдали от дома чувствовали себя в Нюрнберге отрезанными от мира. В зале Дворца юстиции им приходилось выслушивать показания о невообразимых зверствах, поэтому вечерами они стремились по-человечески пообщаться и «разгрузиться», получив все доступные им удовольствия². Они держались благодаря шумным ужинам, дешевому виски в баре пресс-лагеря и не всегда целомудренным развлечениям в городском «Гранд-отеле». Советских корреспондентов и юристов предостерегали в Москве против сближения с западными людьми, за ними следили агенты их собственных спецслужб, а ночная жизнь Нюрнберга сталкивала их одновременно и с уникальными возможностями, и с опасностями. Под воздействием алкоголя советские представители иногда забывались.

Советский пресс-корпус в Нюрнберге насчитывал около сорока пяти сотрудников, назначенных освещать процессы для советской аудитории и иностранной прессы. Многие из них были отобраны лично Сталиным³. Компанию Кармену составляли писатель Илья Эренбург, фотограф Евгений Халдей (ему принадлежат широко известные фотографии советских солдат на войне), журналист Борис Полевой, драматург Всеволод Вишневский, любимый политический карикатурист Сталина Борис Ефимов и другие опытные пропагандисты. Многие из них хорошо знали друг друга по фронту. Некоторые, в том числе Кармен, были евреями; несколько человек, включая Эренбурга, во время войны работали в Еврейском антифашистском комитете — официальном советском агентстве, которое публиковало свидетельства нацистских зверств и собирало за границей пожертвования для Красной армии. Все корреспонденты определяли себя

¹ West R. *A Train of Powder*. New York: Viking Press, 1955. P. 8.

² См. также: *Tusa and Tusa*. Nuremberg Trial. P. 230. На пике процесса его события освещали 300–400 журналистов. В зале суда одновременно помещалось меньше половины этого количества.

³ В число этих корреспондентов входили кинематографисты, фотографы и художники.

как несомненно лояльных советских граждан. Все они делали карьеру в кипящем политическом котле сталинских 1930-х, защищали свою страну на фронте или в тылу в годы войны и наконец сошлись в Нюрнберге.

Некоторые были лучше подготовлены, чем другие, к жизни в Нюрнберге с его многочисленными видами неформального международного общения. Многие советские корреспонденты ценили возможность сблизиться с иностранными журналистами и поделиться с ними рассказами о войне. Кармен вспоминал: «Нас хлопали по плечу, с нами знакомились, пожимали руки, приглашали выпить виски у бара»¹. Другие чувствовали в Нюрнберге глубокое отчуждение, будучи уверены, что британцы и особенно американцы никогда по-настоящему не поймут, что перенесли советские люди под немецкой оккупацией. «Тут много смешного, много хамства, много нелепого», — отмечал Вишневецкий в одном из писем домой, удрученный обыденным отношением американцев к процессу и «разгулом» ночной жизни в Нюрнберге².

Советские юристы часто казались загадочными их западным коллегам. Американские, британские и французские обвинители и судьи еще могли понять Арона Трайнина: он учился за границей и его представления о военных преступлениях были известны на Западе. Никитченко и Руденко, члены коммунистической партии и карьерные бюрократы, имевшие только базовое образование и не понимавшие ни тонкостей, ни сложностей международных отношений, часто ставили их в тупик. Трайнин представлял обращенный к Западу фасад Советского Союза в вопросах послевоенной юстиции; Руденко и Никитченко представляли советскую традицию показательных процессов и имели репутацию партийных громил. Все трое получали распоряжения от Вышинского — серого кардинала советской группы юристов. Вышинский не играл официальной роли, но был ключевой фигурой в попытках СССР повлиять на ход процесса и на вердикты. В роли посредника между Кремлем и советской

¹ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 33.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 629. Оп. 1. Д. 109. Л. 84 — 85 об.

Ил. 2. Роман Кармен (второй справа), Всеволод Вишневский (второй слева) и другие советские корреспонденты в свободное время изучают развалины Нюрнберга. 1945–1946 годы. Источник: РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 870. Л. 2

делегацией он контролировал поток информации, предоставляя Никитченко и Руденко деликатные сведения о советском прошлом (в том числе детали советско-германского сотрудничества) строго в минимально необходимом объеме. Он прилагал все усилия, чтобы в зал суда не просочились свидетельства собственных военных преступлений СССР.

Советскую делегацию в Нюрнберге сопровождали письменные и устные переводчики, стенографы, машинистки, водители — и, разумеется, тайные агенты, подотчетные таким фигурам в Кремле, как Лаврентий Берия, глава Наркомата внутренних дел (НКВД), и Виктор Абакумов, глава Смерша (военной контрразведки)¹. Агенты в основном занимались тем, что следили за другими членами советской делегации и докладывали о результатах. На практике граница между агентами госбезопасности и остальными советскими представителями зачастую была размытой. Советские корреспонденты и даже некоторые заместители советских обвинителей тоже докладывали в Москву о последних событиях в ходе процесса, а также о приездах

¹ О Смерше и НКВД см.: *Birstein V.J. SMERSH: Stalin's Secret Weapon*. London: Biteback, 2011.

и отъездах членов делегации. Эта практика доносительства была обычной частью культуры сталинского периода. Порожденный ею корпус документов — кладезь для историка.

* * *

В конечном счете в Нюрнберге соединились правосудие и политика, смешались принципы, своекорыстные интересы и компромиссы. Полная история гораздо сложнее мифа — но не менее героичная. Все обвинители и судьи, журналисты и переводчики, юристы и дипломаты — американские, французские, британские и советские — работали долгие часы, курсируя между своими переполненными кабинетами и залом суда, с его отделкой из деревянных панелей и «зеленоватым мертвенным» освещением, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем — почти целый год¹. Представители четырех разных государств с совершенно разными правовыми системами настойчиво стремились разоблачить нацистские преступления, которые, по словам американского главного обвинителя Роберта Х. Джексона, были «столь расчетливыми, столь злостными и столь разрушительными, что цивилизация не может терпеть пренебрежение ими, потому что не переживет их повторения»². Это была эмоционально гнетущая работа. Выслушивая показания о дыме и смраде лагерей смерти, изучая фотографии массовых захоронений и расчлененных тел, читая в уголовных делах бесчисленные доклады о зверствах, члены всех четырех делегаций безнадежно тосковали по дому, хотя все это не давало им забыть, что стоит на кону³.

Эти мужчины и женщины прилагали все усилия, чтобы найти в Нюрнберге общий язык, и в некоторых важных аспектах у них это получилось. Они создали подробный свод свидетельств о преступлениях Третьего рейха. У них были общие моменты катарсиса. Они подтолкнули дело денацификации.

¹ Polevoi B. Final Reckoning. P. 73 (цит. по изданию на рус. — *Примеч. пер.*).

² Jackson R. H. Opening Speech for the United States of America, November 21, 1945 // International Military Tribunal — Major War Criminals. <https://digitalcommons.law.uga.edu/imt/11> (дата обращения 10 января 2023 года).

³ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 253. Л. 39–40.

Они установили прецедент, согласно которому развязывание агрессивной войны объявлялось преступлением, и заложили основу для развития новых международных законов и институтов, предназначенных для защиты прав человека на войне и в мирное время.

Это был коллективный труд — но не все партнеры были равны. Американцы, в чьей юрисдикции находились свидетели и обвиняемые нацисты, заключенные в тюрьму при Дворце юстиции, делали все возможное, чтобы переиграть советских представителей. Джексон не доверял им, но при этом недолюбливал и французов и с самого начала попытался взять под свой контроль ход судебного процесса. Американцы и британцы неплохо ладили между собой, но тоже соперничали за внимание публики.

В чем миф о «Нюрнбергском моменте» правдив, так это в изображении инициативности и энергии американцев. После того как процесс начался, американские обвинители и судьи делали все для продвижения своей повестки. Советские представители, так много сделавшие для запуска трибунала, постоянно оказывались на шаг позади. Они также оказались в изоляции, которая все время усиливалась, особенно когда дело дошло до опровержения встречных обвинений со стороны защиты. По ходу процесса зал суда в Нюрнберге превратился в площадку, где не только судили бывших нацистов, но и оценивали Советский Союз. Западные державы послали ясный сигнал Москве: зал международного суда не будет свободен от политики послевоенного соперничества. Советские представители, со своей стороны, расценили отказ западных судей пресечь нападки защиты на СССР как расчетливую политическую тактику, против которой советской стороне недоставало ресурсов бороться. Плохо понимая принцип действия свободы печати в западном обществе, они воспринимали публикацию утверждений подсудимых о советских военных преступлениях в американских и британских газетах как доказательство того, что западные журналисты (пусть и дружелюбные после пары совместно распитых рюмок в баре пресс-лагеря) сговорились со своими правительствами и проводят антисоветскую политику.

Советский Союз выиграл войну; в Нюрнберге он проиграл победу. В неустойчивом равновесии завис не только исход

судьбы подсудимых, но и послевоенный порядок. Идеи и доводы о правосудии, военных преступлениях и правах человека, артикулированные во Дворце юстиции, вскоре спровоцировали дискуссии в ООН и других местах о включении Нюрнбергских принципов (в том числе понятий «преступления против мира» и «преступления против человечности») в новый международный уголовный кодекс. И хотя Советский Союз участвовал в формировании этих принципов, он также осознавал, что институты и язык международного права могут быть направлены и использованы против него. После Нюрнбергского процесса идеалы прав человека на десятилетия переплелись с политикой холодной войны.